

ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС «ПОСОЛЬСКИЙ ДОМ»

БЮРО «ОСТОЖЕНКА»

// АДРЕС: Москва,
Борисоглебский переулок, 13, стр. 3
// ПРОЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:
АБ «Остоженка»
// АРХИТЕКТОРЫ:
Александр Скокан, Андрей Гнездилов,
Елена Копытова, Мария Елизарова,
Михаил Матвеев, Ольга Соболева
// КОНСТРУКТОР:
Михаил Митюков
// ПОДРЯДЧИК:
ООО «ПСФ Крост»
// ЗАКАЗЧИК:
ООО «ПСФ Крост»

РИФМОЮ МИФ ПОПРАВ

ТЕКСТ: НИКОЛАЙ МАЛИНИН | ФОТО: ВЛАДИСЛАВ ЕФИМОВ

Когда этот проект появился в прессе, профессионалы заулыбались: «Бросьте! Ничего этого не останется! Какой инвестор пойдет на такие дикие окна?» (Что есть музыка? Не каплун, А к каплуну – приправа). Однако дом построен точно так, как спроектирован: именно от косых окон инвестор пришел в восторг. Восторг понятен (Рыночною новизною Сыты ли?): таких окон в истории мировой архитектуры еще не было. Непрямых было много – особенно у Фрэнка Гери, который любит врезать их в криволинейные стены. Но так, чтобы целый дом сделать на одном приеме – окно с наклоном в 76 градусов, словно бы дом повело землетрясением, – такого не было. Другой вопрос: почему? Наверное, не потому, что их никто никогда не рисовал. А просто потому, что вроде как нерационально (Где ж это видано, чтобы вдруг Да с музыкантом – в кирку?). Но эта непрактичность иллюзорна. Окна-параллелограммы собраны из осколков, но основу каждого все равно составляет прямоугольник, который благополучно открывается. И это остроумный ответ на актуальную проблему: прямые стены ныне разлюбили, всем подавая кривые (Рай не может не амфитеатром быть). А как врезать в кривую стену окно, если прямое стекло кривизну тут же дискредитирует, гнущее – дико дорого, а делать эркеры, как Гери, с нашей культурой строительства – дело безнадежное? Чай не Гаммельн – Без загадок – город, – гладок: Благодать. Навык-город, – Рай-город... Другой вопрос – как быть с этим внутри? У первых пришедших в дом мастеров интерьера окна эти сразу вызвали недоумение: а куда ж картины вешать? А занавесок в два раза больше тратить – ничего? И где потолки расписные, До потолков зеркала? То есть с точки зрения архитектуры как товара прием уязвим. Но уязвим любой эксперимент: проблема «как жить» возникает у обитателей зданий того же Гери, Нувеля, Хадид (Разин – чем тебе не ровня? – Лучшее с бытом совладает!). А у нас был человек, который построил круглый дом с косыми окнами не для несчастных потребителей, а для себя. И благополучно жил в нем полвека (О поэте не подумал Век – и мне не до него). И этот дом – дом Константина Мельникова в Кривоарбатском переулке – первое, что приходит на ум, когда видишь эти окна. Ассоциация не-

случайна: Александр Скокан действительно стоял когда-то на антресолях мельниковского дома, глядел за окно и ловил себя на странном ощущении: то ли вываливаешься наружу, то ли наоборот (Ибо не ведающим лет – Спи! – головокруженье нравится). Это-то ощущение он и призвал на подмогу, рисуя этот дом, – но совсем не в качестве оммажа Мельникову. Проблема была в том, что участок тесножат другими – жилыми – домами: Меж обступающих громад – Дом – пережиток, дом – магнат. Соответственно, если делать большие окна (а маленькие нынче спросом не пользуются), то твоя личная жизнь будет как на ладони. А эти параллелограммы, треугольники и трапеции обзор вроде как фрагментируют: Дом, в котором – не сущаться; Можно сесть. А можно лечь. Однако за решением этой вроде бы утилитарной задачи у дома выкристаллизовался эффектный образ: белоснежная скульптура, в которой нарубили дыр. Как будто Колизей пытались поднять из руин, но до конца не получилось. Конечно, ход остается спорным – и это знаменательно. Если раньше «Остоженка» считала, что лучшая победа Над временем и тяготением – Пройти, чтоб не оставить следа, Пройти, чтоб не оставить тени, то теперь у нее что ни дом – дерзкий эксперимент. То «Пингвин», вываливший «пузо» поперек Брестской улицы, то офисная изба, сложенная в обло на Лесной, то абсолютный аквариум «Панорамы»: Окна выбиты любовью, Крышу ветром сорвало. Тут, конечно, и масштаб поменьше, и место потише, но радикальность тоже совсем недипломатичная. И потому так странно название дома. Да, рядом два посольства, но напротив – дом Марины Цветаевой. И уж к ней-то дом имеет отношение куда более явное: все курсовые, как вы догадались, из нее. Вот у кого был такой же странный, кривой синтаксис и причудливая орфография; вот у кого слова бились на части, как эти окна; вот кто так же умел брезговать здешним. И вот кто так же трепетно, как «Остоженка», относился к будущим жильцам: «И за то, что в утесах, в скалах, В позолотах, в зевотах, в ватах, Вот меня, наглеца, не купят – Подтверждаю: люблю богатых!» || шк